

А.Ю. КАЗАКОВА

СУБЪЕКТИВНОЕ КАЧЕСТВО ЖИЛИЩНЫХ УСЛОВИЙ И ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ГОРОЖАН (НА МАТЕРИАЛЕ ОПРОСА ЖИТЕЛЕЙ МО «Г. КАЛУГА»)¹

Аннотация. В статье на материале проведенного автором опроса жителей городских и сельских территорий МО «г. Калуга» оценивается возможность формирования благоприятного образа городской среды в условиях низкого качества жилищных условий. Предположив, что это возможно, мы пытаемся определить, чем принципиально различается для калужан благоприятная и неблагоприятная урбанизированная среда, на основе каких признаков формируются образы ближнего и дальнего пространства. Данные показали, что образы среды дифференцированы по оси «центр – периферия»: в пригородах для формирования такого образа наиболее значимо качество соседства; на окраинах — миграция как ограничение доступа коренного населения к жилищным ресурсам и угроза правопорядку; в микрорайонах молодого центра — функционирование учреждений образования; в историческом центре — многоаспектная безопасность. Исследование показало, что наиболее емкой переменной для определения того, насколько комфортной горожанам представляется городская среда, является оценка условий жизни в микрорайоне; оценки города и жилья за небольшим исключением формируются автономно друг от друга. Пригородная зона и исторический центр в силу их специфичности не связывают жилище и город в единый образ. Срединные стандартно застроенные зоны «внутреннего города» (окраины и молодые центральные районы), напротив, показывают сильную связь между оценками жилья и города, хотя направленность этой связи различна. Но оценки микрорайона связаны с каждой из двух названных переменных, что обеспечивает горожан наиболее надежной перспективой социального сравнения при определении меры личного благополучия.

Ключевые слова: территориальная идентичность; качество жилищных условий; оценки городской среды; пространственная дифференциация.

Казакова Анна Юрьевна — кандидат социологических наук, преподаватель кафедры философии и социологии, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского. **Адрес:** 248000, Калуга, ул. Ленина, д. 83.

Телефон: +7 (4842) 57-00-21. **Электронная почта:** kafilosof@yandex.ru

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Калужской области, проекты: № 15-13-40601 е (р) — «Социальные факторы сохранности исторической памяти как основы территориальной идентичности локальных городских сообществ»; № 16-13-40002 а (р) — «Типы жилищной депривации населения Калужской области: уровни, источники, последствия».

Для цитирования: Казакова А.Ю. Субъективное качество жилищных условий и территориальная идентичность горожан (на материале опроса жителей МО «г. Калуга») // Социологический журнал. 2017. Том 23. № 1. С. 62–87. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.1.5002

Введение

Жилищная ситуация в Калужской области

Проблема жилья в областном центре является едва ли не самой острой и решается с трудом. Несмотря на растущие показатели смертности [13], доступность жилья в Калужской области снижается [14] на фоне того, что она уже принадлежит кластеру регионов, для которых «характерны самые низкие значения ценового фактора, но вместе с тем и самое низкое качество жилья... Средние значения показателей, отражающих экономическое благосостояние граждан в регионах, самые низкие, а это значит, что даже при низких ценах выход на первичный рынок жилья гражданам будет затруднителен» [10, с. 122].

Жилье ветшает быстрее, чем реализуется программа переселения. На официальном сайте Государственной корпорации – Фонда содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства отчетный период 2014–2015 гг. характеризуется отставанием до трех месяцев от графика расселения более чем для 20% от площади всех домов, признанных аварийными до 2012 года и подлежавших расселению до конца 2015 г. Тем временем после 2012 года аварийными и подлежащими расселению было признано еще 130 домов общей площадью 38,60 тыс. кв. м [18]. Выполнив программу лишь на 45%, в рейтинге регионов по переселению из аварийного жилья на 1 апреля 2016 г. Калужская область оказалась в числе аутсайдеров [7].

В рейтинге 100 городов России 2011 г., разработанном компанией «ИТП “Урбаника”» совместно с Союзом архитекторов России, Калуга попала «в нижнюю часть списка из-за низких результатов по обеспеченности жильем и по стоимости услуг ЖКХ и крайне низких результатов в сфере доступности постоянного и временного жилья» [9]. В 2014 г. в данном рейтинге Калуга опустилась с 14 места сразу на 24-е; аналитики связывают это с нагрузкой на социальную сферу (включая жилфонд), обусловленную притоком мигрантов из других регионов [6]. Специалисты федерального портала «Мир квартир» построили рейтинг городов по дороговизне аренды жилья, где Калуга оказалась в пятерке «лидеров»: «Хотя цены на аренду жилья в 2014 году упали во всех сегментах, тем не менее они невероятно высоки для маленького областного центра. Средняя стоимость аренды однушки — 18 048 руб./мес. (–5,1%), двушки — 22 761 руб./мес. (–12,1%), трешки — 32 625 руб./мес. (–12,2%). По стоимости аренды жилья Калуга обходит даже Екатеринбург и Казань, где жилье традиционно не дешево. “Калуга привлекает массу приезжей рабочей силы на новые современные производства, расположенные в области, так что высокие ставки об-

условлены активным спросом и высокими доходами привлеченного персонала”, — объясняет Павел Луценко, генеральный директор портала. Однако в отличие от Москвы, в Калуге практически нет элитного жилья, заметно влияющего на уровень средней цены в Москве» [5].

В декабре 2013 г. агентство «РИА Рейтинг» опубликовало итоги оценки качества жизни в регионах страны. По сравнению с 2012 г. ухудшились обеспеченность жильем, экологическая безопасность и личная безопасность проживания [15]. По итогам 2014 г., как и в 2013 г., область все еще занимала в рейтинге 17-е место [16], а в 2015-м опустилась на 20-е [17]. Методика агентства изменилась так, что выделить претерпевшие спад позиции затруднительно, но сильное влияние показателей жилищной обеспеченности несомненно, так как по ним максимален разрыв с Курской областью, с которой Калужская поменялась местами по сравнению с 2014 годом.

Как видим, разные исследования независимо друг от друга фиксируют снижение качества жизни калужан, причем жилищная проблема вносит существенный вклад в общее ухудшение благополучия жителей области и ее центра.

Городская идентичность и жилье: оценка изученности

Жилищные условия как часть территориальности человека (восприятие характеристик жилья, персонализация жилья, реагирование на стимулы, поступающие от жилья) оказывают существенное влияние на образ территории в целом, позитивную или негативную территориальную идентичность, но механизм этого воздействия все еще остается малоизученным. Классический постулат Л. Вирта о том, что горожанин не может быть хорошим соседом, не будучи домохозяином [3], находит множество подтверждений в урбанистических исследованиях, но авторы, углубленно исследующие современные соседства, подчеркивают, что этот тезис не универсален, и выявляют условия его ограничений [19]. Готовность устанавливать и поддерживать территориальные связи (соседские, общинные, приходские), участвовать в коллективных действиях локальных сообществ повышается в условиях позитивной локальной идентичности, но этот фактор не единственный: важна субъектность, активно-деятельностное отношение к среде, соотношение которой с идентичностью неоднозначно [11]. Например, в исследовании И.А. Климова, посвященном ситуации предолимпийской подготовки в городе Сочи, показан конфликт между идентичностью социальных групп предпринимателей и рантье и природной средой, выразившийся в стремлении этой части горожан паразитировать на природно-климатических особенностях курорта и в коррупционных действиях: «Несмотря на довольно эфемерные контуры представлений, связанных с идентичностью жителей Сочи, обозначенные культурные несоответствия оказываются реальными в своих проявлениях, в своем влиянии на действия конкретных людей. В частности, как

показывают материалы исследований, размер взятки за оформление документов обосновывается и оправдывается тем, что люди должны платить за возможность пользоваться “природной рентой”, т. е. тем, что их жилище является источником получения денег с туристического сезона. Так возникает легитимация коррупционных практик в городе» [8]. Показано также, что активная (предприниматель) и пассивная (рантье) идентификации способны возникать при разном уровне материальной обеспеченности и порождать как дружелюбное, так и недоброжелательное отношение к приезжим и городским властям.

Существует ряд концепций, прослеживающих зависимость между территориальностью и уровнем благосостояния, социальным неравенством горожан [20], а также последствия этой взаимосвязи в виде социальной напряженности, ухудшения материального благополучия и т. п. Так, теория «жилищного класса» на базе неомарксистского подхода Дж. Рекса и Р. Мура обосновывает локальный характер проявления классовых конфликтов (за счет зонирования городского пространства и сегрегации) [23]. В концепции «производства пространства» Э. Соджи экономическое неравенство представляет собой «неравномерно развернутую пространственность», которая усиливается в рыночных условиях тем в большей степени, чем больше создается «дорогих» (безопасных, престижных, высококомфортных) пространств [25]. Однако концепция «права на город» А. Лефевра подразумевает, что и неблагополучные слои населения получают выгоды от доступа к коллективному благу, от появления комфортных «третьих мест», и эта идея постепенно получает юридическое оформление [4].

Для нашего контекста важно отметить исследования, посвященные связи между территориальной идентичностью и поведением (миграционным, экономическим и т. п.) горожан. В неблагоприятном случае жилищно-ресурсный дефицит, неудовлетворенность населения качеством жилищных условий либо особенности их использования способны привести к возникновению массовой жилищной депривации, вызывать рост социальной напряженности либо депопуляцию территории. Многочисленные исследования миграционных установок и миграционного поведения горожан показывают, что готовые к безвозвратному выезду горожане руководствуются в первую очередь возможностями трудоустройства или культурной жизни, которые (не) предоставляет им та или иная среда обитания, что Ю. Чурсина удачно определяет как «пространство практических возможностей жизни в городе» [22, с. 162]. Но исследования свидетельствуют также о значительном межрегиональном варьировании миграционных факторов и о высокой сдерживающей силе «ловушки бедности»: так, например, анализ миграционных установок в Республике Карелия показал, что «миграционный потенциал составляет четверть от домохозяйств РК, которые рассматривают в качестве своего будущего миграционную стратегию,

но при этом доля определившихся в этом вопросе мигрантов не превышает 3,0–3,5%. Социальное положение потенциальных мигрантов относится к среднедоходным социальным группам, имеющим средства для покрытия издержек переезда, обустройства на новом месте, что исключает миграцию низкодоходных семей, для которых повышение мобильности способствовало бы решению вопросов трудоустройства, изменения социального статуса и повышения уровня жизни» [21, с. 67]. Таким образом, доля людей, которые желали бы переехать в поисках решения именно жилищной проблемы, может быть значительно больше, чем доля людей, которые действительно делают это. Кроме того, трудовая миграция, работа вахтовым методом, экспатриация в большинстве случаев предполагают расколотовость территориальной идентичности временного жителя, который здесь и сейчас переживает трудности и лишения ради денег, которые в дальнейшем позволяют ему вернуться домой и радикально изменить свое положение к лучшему, в том числе в плане жилищной обеспеченности. Возможно различное восприятие обеих территорий — и донора, и реципиента, особенно в случае, если личная стратегия рушится. Например, Ю.А. Никитин так описывает региональную специфику формирования «социального дна» в результате не оправдавшейся массовой стратегии улучшения жилищных условий: «Сахалин исторически складывался... в 40-х гг. XX в., в условиях, приравненных к условиям крайнего севера, что привело к формированию населения с менталитетом “временщика”, “командированного”. Переселенческая политика строилась на привлечении населения... возможностью заработать, после чего переселенцы собирались вернуться на историческую родину, где остались родные, близкие, друзья, квартиры, родители... Эта группа граждан не смогла вернуться назад из-за потери сбережений... в 90-х гг. XX в., многие ... опустили “на дно”, стали пить, потеряв надежду на лучшее будущее. Их дети, не получая должного внимания и воспитания, попадали в группу риска» [12, с. 56].

Таким образом, в исследованиях не было выявлено линейной зависимости между качеством жилья и выраженностью территориальной идентичности, ее поведенческими компонентами; не изучены когнитивные и аффективные компоненты этой идентичности. Как отмечено В.М. Бекетовым, «в мировой и российской науке накоплен немалый опыт анализа территориальных (региональных и местных) сообществ... Вместе с тем, практически полностью обойден вниманием исследователей такой важный объект социологического анализа, как территориальное поведение социальных субъектов» [1]. Тем большей новизной обладает анализ территориальности, детерминированной негативными, стрессовыми жилищными условиями.

Связь территориальной идентичности локальных сообществ (особенно позитивной) с качеством жилья неоднозначна. Сомнительна

сама возможность формирования позитивной городской или локальной (в пределах района, квартала-соседства) идентичности в условиях низкого качества жилищных условий. Против нее говорит феномен территориальной стигмы, описанный на базе теории стигматизации И. Гофмана французским структуралистом Л. Ваканом [2] и получивший операционализацию в экономико-социологических исследованиях и практике оценочной деятельности на рынке недвижимости, благодаря которым стигма получила стоимостное измерение [23]. В пользу возможности идентифицироваться с местом независимо от качества жилья говорят отдельные данные, полученные С.С. Серикжановой в свободных интервью в экономически смешанных районах Алматы: «Желание соединить все достоинства жизни в центре города с комфортом частного дома заставляет состоятельных граждан предлагать малообеспеченным коренным жителям (собственникам) конкурентоспособную рыночную стоимость — цену за их недвижимость. Однако во многих случаях собственники домов отказываются переезжать в другой микрорайон. В ходе исследования информанты в качестве причины отказа от сделки указали на “чувство привязанности к месту”, удобство жизни в районе проживания... и хорошие перспективы развития» [19, с. 92]. Но данные Серикжановой относятся к собственникам старых и малокомфортных индивидуальных домов. В своем исследовании мы остановимся на вопросе, формируется ли (и под воздействием каких факторов) позитивная эмоциональная связь с местом проживания у жителей многоквартирного жилого фонда низкого качества.

Методика исследования

Попытка ответить на вопрос о характере связи между оценкой горожанином своих жилищных условий и более широкой жизненной среды, представленная в настоящей статье, предпринята по итогам проведенного автором в сентябре – декабре 2014 г. исследования ключевых проблем развития городских и сельских территорий муниципального образования «Город Калуга».

Использовалась двухступенчатая квотная районированная выборка. В качестве генеральной совокупности рассматривались совершеннолетние жители муниципального образования; не имея сведений об их территориальном распределении по микрорайонам, структуру выборки мы привязывали к границам избирательных округов и количеству избирателей в них, общая численность которых на 01.01.2014 составила 283 443 человека. Объем выборочной совокупности (n) рассчитан по доле (W) каждого округа в численности электората при $t = 2$ и $\Delta = 0,05$ по формуле: $n = t^2 \cdot W(1-W) \cdot N / (N \cdot \Delta^2 + t^2 \cdot W(1-W))$. Расчетное и фактическое значение объема выборки составило 1536 человек. Сбор данных проводился методом личного маршрутного интервью в соответствии с оригинальным авторским инструментарием рядом с жилыми домами, расположенными на улицах микрорайона,

в случае утвердительного ответа на вопрос-фильтр о постоянном проживании пешехода в отобранном доме. В целом опрос охватил все пространство жилых районов муниципального образования; контролировалось соблюдение пропорциональности половозрастных квот, а также присутствие в выборке всех типов жилья (индивидуальные и многоквартирные жилые дома, в том числе с коммунальными квартирами, и общежития). Таким образом, выборка является репрезентативной как с точки зрения территориального размещения населения, так и с точки зрения его половозрастной структуры.

Масштабность и уровень значимости для населения тех или иных проблем определялись нами по итогам контент-аналитической обработки ответов на открытые вопросы, характеризующие жизнь города и микрорайона, в том числе в пятилетней ретроспективе и перспективе на ближайший год: *«Назовите наиболее важные для Вас ожидающиеся в этом году события в жизни: а) Калуги в целом; б) городского района, где Вы проживаете»*; *«Назовите наиболее важные события последних пяти лет, запомнившиеся Вам больше всего, в жизни: а) Калуги в целом; б) городского района, где Вы проживаете»*. Открытая форма позволяла избежать влияния субъективного фактора, состоящего в искусственном заострении внимания респондентов на тех или иных проблемах, интересующих исследователя, что приводит к замерам не спонтанного, а подсказанного знания о различных сторонах действительности и программированию ответов. Нами подсчитывалось и общее количество упоминаний отдельных проблем и явлений в ответах на открытые вопросы *«Назовите наиболее острую, с Вашей точки зрения, проблему жителей: а) Калуги в целом; б) городского района, где Вы проживаете»*; использовался контрольный вопрос на другой странице анкеты: *«Назовите, пожалуйста, 2–3 проблемы Вашего района, решение которых могло бы существенно повысить качество Вашей жизни в целом»*. Кроме того, использовались три открытых вопроса об угрозах и опасностях, которые жители считают характерными для своего дома, микрорайона, города в целом.

Эти переменные, обозначенные соответственно как «Риски дома», «Риски района», «Риски города», обрабатывались двояко: логико-семантической группировкой в блоки, позволявшие выявить частотность наиболее распространенных угроз, воспринимаемых жителями (текстовые переменные), и оценкой непараметрических распределений альтернативных признаков самого наличия или отсутствия страха, независимо от его содержания (количественные переменные). Дополнительно ставился закрытый вопрос о том, в какой мере респонденты чувствуют себя лично защищенными, живя в Калуге, с вариантами ответов *«никогда и нигде не чувствую себя целиком в безопасности; в безопасности чувствую себя крайне редко; почти никогда не испытываю чувства страха, практически всегда и везде чувствую себя в безопасно-*

сти». В массив была введена порядковая переменная «Интенсивность чувства защищенности» со значениями от 0 до 3 соответственно нарастанию субъективной безопасности.

Данные обработаны автоматически в 20-й версии программы IBM SPSS Statistics.

Результаты исследования

По итогам опроса, жилищная проблема (обеспеченность жильем, качество жилищных условий, экономическая доступность аренды или покупки жилья, обслуживание жилищ и территорий муниципальными коммунальными службами и управляющими компаниями) оказалась в числе самых острых. Она часто упоминалась респондентами в ответах на открытые вопросы о проблемах развития города, которые существенно снижают качество их жизни, служат источником риска или дискомфорта, с которыми связано проживание в конкретном доме, районе и городе в целом; о наиболее заметных событиях пяти истекших лет и надеждах на ближайший год. В том или ином варианте жилищную проблему упомянули 46% респондентов.

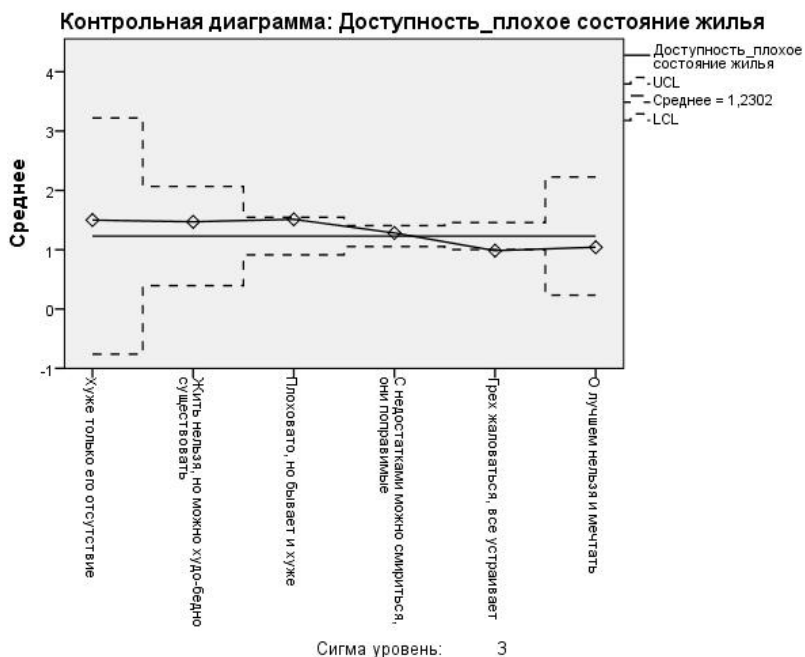
Жизненная среда: согласованность оценок «дом – район – город»

С помощью однофакторного дисперсионного анализа мы выяснили, в какой мере спонтанное упоминание темы жилья (его дефицит, плохое качество, трудности содержания, доступность покупки или аренды и т. д.) или равнодушие к этой теме зависят от жилищных условий респондента. Величина фактора жилищных условий измерялась при переходе от одной количественной градации к другой, то есть по уровням удовлетворенности жителей. Нулевая гипотеза состояла в том, что средние величины результативного признака — внимание к жилищной проблеме — будут одинаковы для людей с разными жилищными условиями; альтернативная гипотеза — в том, что средние величины результативного признака в разных условиях действия фактора различны. Нулевая гипотеза была ожидаемо отклонена: безусловно, у горожан с худшими жилищными условиями больше оснований быть озабоченными жилищной проблемой.

Неожиданные результаты показала апостериорная проверка по методу Дункана возможности разбить выборку на внутренне однородные подгруппы, различия между которыми по уровню обеспокоенности проблемой жилья были бы более существенны, чем случайная вариативность внутри групп. С надежностью 0,318 апостериорный критерий Дункана по средним значениям результативного признака объединяет все группы горожан с различными жилищными условиями в единое множество. Иными словами, в различных, даже несопоставимых по качеству, жилищных условиях обеспокоенность горожан жилищной проблемой по своей выраженности оказывается сходной. Карта контроля качества на рисунке также показывает, что средняя частотность

упоминания проблемы жилья у всех подгрупп укладывается в пределы диапазона контрольных значений. То есть неудовлетворенность жилищными условиями или состоянием жилья, независимо от ее обоснованности и конкретного содержания, в той или иной степени свойственна всем слоям городского населения. А значит, едва ли можно ожидать, что образ города будет непосредственно определяться качеством жилищных условий.

Рис. Обеспокоенность жилищной проблемой в среднем по группам субъективных оценок качества собственных жилищных условий

Каков образ территории у респондента — позитивный или негативный, — мы определяли на основе сочетания оценок им благоприятности условий жизни в городе в целом и микрорайоне, где респондент проживает, с оценками жилищных условий. Валидных наблюдений 1529; поскольку в двух ячейках с полярными оценками качества жилищных условий («Хуже только его [жилья] отсутствие» и «О лучшем [жилье] нельзя и мечтать») ожидаемая частота оказалась меньше 5, мы укрупнили значения оценок жилья, объединив полярные значения с соседними ячейками и получив три интервала оценок: низкие, умеренные, высокие.

Анализ связи между позитивными и негативными оценками благоприятности условий жизни в городском районе, с одной стороны,

и субъективными оценками качества жилья, с другой стороны (табл. 1), показывает, что, как и ожидалось, высоко оценившие свои жилищные условия статистически значимо чаще позитивно оценивают условия жизни в районе проживания и статистически значимо реже — негативно.

Данные о двух третях всех жителей города, умеренно оценивших свои жилищные условия, напротив, показывают скорее обратную связь вместе с данными тех, кто явно недоволен качеством своего жилья.

Таблица 1

Связь между оценками условий жизни в городском районе проживания и оценками своих жилищных условий, $N = 1529$

Оценки жилищных условий	Оценки условий жизни в городском районе проживания		Итого, %
	негативные	позитивные	
	стандартизованные остатки		
низкие	4,5	-2,6	2,6
умеренные	2,9	-1,6	65,9
высокие	-5,4	3,1	31,5
			100,0

Сопряженность оценок благоприятности условий жизни в городе в целом с оценками собственных жилищных условий (табл. 2) обнаруживает тенденцию к статистически значимым различиям только на крайних полюсах жилищной обеспеченности (варианты предельно негативной и предельно позитивной оценок), а вот проживание в условиях, соответствующих промежуточным оценкам, не позволяет предсказать оценку жизни в городе — положительную или отрицательную.

Таблица 2

Связь между оценками условий жизни в городе Калуге и оценками своих жилищных условий, $N = 1529$

Оценки жилищных условий	Оценки условий жизни в Калуге		Итого, %
	негативные	позитивные	
	стандартизованные остатки		
низкие	3,3	-1,3	2,6
умеренные	0,7	-0,3	65,9
высокие	-2,0	0,8	31,5
			100,0

Итак, в целом жизненная среда представляется калужанам благоприятной. Положительное отношение и к городу, и к району выказали 71,7% опрошенных. Среди них доля тех, кто считает благоприятными все три компонента своей жизненной среды (сочетание высоких оце-

нок жилищных условий с позитивными оценками города и микрорайона), составила 26,3%, и такова же доля тех, чья обеспокоенность жилищной проблемой, как показано на рисунке, выходит за нижнюю границу контрольного диапазона. Доля испытывающих предельный дискомфорт (все три оценки негативные) ничтожна — менее 1%. Как видим, однозначно благоприятная оценка окружающей среды способна формироваться только на основе хорошего и удовлетворительного субъективного качества жилищных условий. Но дисгармоничные оценки (город лучше, район хуже или наоборот) появляются «на базе» любого типа жилья; причем и в самых благоприятных, и в умеренно благоприятных, и в предельно негативных жилищных условиях жителей чаще не устраивает микрорайон при большей лояльности к городу. Чем и при каких условиях различается «плохая» и «хорошая» среда и одинаковы ли критерии этого различения при оценке города и микрорайона, мы выясняли с помощью дискриминантного анализа.

Критерии разграничения благоприятной и неблагоприятной среды (дискриминантный анализ)

При проведении дискриминантного анализа мы использовали переменные, служащие для описания факторов, наиболее часто фигурирующих в ответах на открытые вопросы о проблемах, рисках, событиях, ожиданиях респондентов и касающиеся экологического, санитарного, эпидемиологического состояния городских пространств независимо от близости их расположения к месту жительства (в подъездах, дворах, на придомовых территориях, в общественных местах и зонах отдыха и проч.); изменений на рынке труда и в экономике в целом; работы транспорта и состояния транспортной инфраструктуры (от парковок до открытия аэропорта); криминогенной обстановки и (или) конкретных случаев преступных посягательств; люмпенизации, алкоголизации, наркотизации населения, контактов с представителями «социального дна»; проблем молодежной социализации (досуг, родительский контроль, воспитание) и образования (работа детских дошкольных и школьных учреждений, их пространственная доступность, качество образовательной среды); проблем доступности жилья, качества услуг ЖКХ и их стоимости; проблем сохранности отличительного облика города, объектов культурного наследия, мемориальных мест под натиском «сверхмодернизации»; рисков возникновения пожара (поджога) жилья; нежелательного соседства. Кроме того, в число переменных включалась интервальная оценка респондентами личной безопасности на основе закрытого вопроса с четырьмя вариантами ответов, ранжированными по убыванию тревожности.

Анализ проводился методом шагового отбора с использованием в качестве индикаторов — критерия равенства групповых средних (лямбда Уилкса), а для определения силы каждой переменной — линейных коэффициентов классификации Фишера. Сравнивались ре-

зультаты группировки двух дихотомических переменных — «оценка благоприятности условий жизни в Калуге»; «оценка благоприятности условий жизни в микрорайоне» с вариантами ответов «скорее нет», «скорее да». В первом случае валидных наблюдений — 821 (53,5% от общего количества опрошенных); шесть наблюдений исключено, поскольку не оценивался город; 703 наблюдения исключено, поскольку пропущена та или иная независимая переменная. Во втором случае валидных наблюдений — 820 (53,4% от общего количества опрошенных); семь наблюдений исключено, поскольку не оценивался район; 700 наблюдений исключено, поскольку пропущена та или иная независимая переменная; девять наблюдений исключено из-за пропусков и в группирующей, и в какой-то из дискриминантных переменных.

Поскольку все переменные в модели вторичные (производные от перечисления страхов, проблем, дефицитных ресурсов в ответах на открытые вопросы), неудивительно, что более определенными оказались отрицательные оценки и города, и района. Для оценок Калуги центроид группы «скорее нет» = 0,453, для «скорее да» = -0,067; для оценок микрорайона центроид группы «скорее нет» = 0,231, для «скорее да» = -0,082, то есть большим значением выделенные переменные обладают для объяснения класса негативных оценок, где различия больше.

Надежность итоговой классификации для оценок городской среды — 87%. Важнейшими ее компонентами, позволяющими правильно классифицировать 87% исходных сгруппированных наблюдений в выборке в целом, являются экологичность, благосостояние, безопасность и пространственная (в том числе транспортная) доступность². Они упорядочены по силе (стандартизованные коэффициенты соответственно: 0,541, -0,520, -0,496, 0,486). То есть условия проживания в городе негативно оцениваются калужанами тем определенной, чем чаще они упоминают об экологическом (а также санитарно-гигиеническом) состоянии и транспорте, чем реже — об экономических проблемах и чем ниже оценивают личную безопасность проживания.

Что касается условий жизни в районе, то 75,8% исходных сгруппированных оценок классифицируются с помощью двух переменных: пожароопасность жилья (стандартизованный коэффициент 0,744) и проблемы экологического состояния микрорайона (стандартизованный коэффициент -0,648). Эти переменные отчетливо указывают на противопоставление индивидуального и многоквартирного жилого фонда: район оценивается тем лучше, чем заметней страх возгорания и чем реже упоминание проблем плохого экологического состояния.

---

² Также встречаются жалобы на непригодность города к проживанию инвалидов и других маломобильных групп населения; медленную реализацию ФП «Доступная среда»; трудности пешеходного движения в условиях изрезанного калужского рельефа и т. п.

И первое и второе наиболее существенно для частного сектора, который является основным типом застройки в пригороде и почти полностью отсутствует в молодых районах городского центра.

Таким образом, заметна дифференциация оценок по оси «центр — периферия». Поэтому мы повторили анализ, расщепив выборку по переменной «Зона города» (метод статистики, дискриминанты прежние). Валидных наблюдений для оценок благоприятности города: в пригородной зоне — 181, на окраинах — 222, в молодом центре — 474, в историческом центре — 416. Валидных наблюдений для оценок благоприятности микрорайона: в пригородной зоне — 242, на окраинах — 389, в молодом центре — 474, в историческом центре — 414.

В пригородной зоне оценка благоприятности условий жизни в Калуге поляризована на основе представлений о люмпенизации населения и наплыве мигрантов. Обе переменные вносят примерно одинаковый вклад в дискриминацию (стандартизованные коэффициенты соответственно 0,797 и $-0,696$). Но при этом те, кто оценивает город отрицательно, основываются прежде всего на приметах люмпенизации (коэффициент линейной дискриминантной функции Фишера для индикатора «бродяги, люмпены, наркотизм» = 3,028); переменная миграций почти не обладает классифицирующей силой, то есть миграционная ситуация выглядит в пригороде везде относительно одинаково (коэффициент линейной дискриминантной функции Фишера для индикатора «упоминания миграционной ситуации» = 0,021). Те же, кто оценивает город положительно, чаще обращают внимание на приток мигрантов (коэффициент линейной дискриминантной функции Фишера для индикатора «упоминания миграционной ситуации» = 1,554); бродяги, нищие, алкоголики «бросаются в глаза» меньше (коэффициент линейной дискриминантной функции Фишера для индикатора «бродяги, люмпены, наркотизм» = 0,886). Классификационная надежность этих двух дискриминант в пригороде — 74,4%. Негативную или позитивную оценку своего «микрорайона»³ жителями пригорода можно исчерпывающе предсказать исходя из того, как они воспринимают соседство. Переменная «поведение соседей по району» в пригороде позволяет правильно классифицировать 62,8% выбранных и 36,2% невыбранных исходных сгруппированных наблюдений. В данном случае показатель пристального внимания к поведению соседей четче дифференцирует положительные оценки среды (коэффициент линейной дискриминантной функции Фишера для индикатора «поведение соседей» = 2,210), чем отрицательные (коэффициент линейной дискриминантной функции Фишера для индикатора «поведение соседей» = 0,915).

Пригород — зона, где сопряженность оценок благоприятности города и района наименьшая: коэффициенты корреляции Пирсона,

³ В пригороде это отдельный населенный пункт.

Спирмена и тау- b Кендалла = 0,342 со значимостью 0,000 на уровне значимости 0,01 для 242 наблюдений, то есть «своя» территория в представлении респондентов довольно существенно отличается от «общей», городской. Вместе с тем оценка и типовых для города, и локальных проблем в пригородах основана на общем, едином критерии качества социальной среды. Нужно отметить, что это единственная зона города, где поведению соседей отводится такая важная роль. Кроме пригорода, к соседству достаточно чувствителен исторический центр, но в меньшей степени. В районах же многоэтажной типовой застройки, независимо от их близости к центру или окраинного положения, соседей игнорируют, что согласуется с ранее упоминавшимся видением городского соседства как Л. Виртом, так и С.С. Серикжановой.

На окраинах единственной функцией, дискриминирующей 89,8% выбранных и 86,5% невыбранных исходных сгруппированных (позитивные или негативные) оценок благоприятности условий жизни в городе, является миграция. Этот показатель четче выделяет положительные оценки города: чем чаще человек упоминает миграцию, тем лучше оценивает город. Коэффициент линейной дискриминантной функции Фишера по переменной «упоминания миграционной ситуации: события, ожидания, проблемы, риски» — 1,423 для варианта ответа «скорее да» и 0,255 для варианта «скорее нет». Для условий района такими переменными (правильная классификация 60,2% выбранных и 56,1% невыбранных исходных сгруппированных наблюдений) являются «интенсивность чувства защищенности» с нормированным коэффициентом 0,807 и «доступность или плохое состояние жилья» с нормированным коэффициентом $-0,569$. Окраинный микрорайон оценивается тем выше, чем более защищенным себя лично чувствует респондент и чем реже его беспокоит низкое качество жилья или его обслуживания. Безопасность четче дискриминирует положительные оценки условий жизни в микрорайоне: коэффициенты линейной дискриминантной функции Фишера по переменной «интенсивность чувства защищенности» — 2,839 для варианта ответа «скорее да» и 2,277 для варианта «скорее нет». Негативные оценки формируются больше исходя из жилищной ситуации: коэффициент линейной дискриминантной функции Фишера по переменной «доступность или состояние жилья» — 0,432 для варианта «скорее да», а для варианта «скорее нет» — 0,646.

Теснота корреляционных связей между оценками города и района на окраинах сильнее, чем в пригороде. Все три коэффициента (Пирсон, Спирмен, Кендалл) показывают связь умеренной силы (0,406 со значимостью 0,000 на уровне значимости 0,01 для 389 наблюдений). По-видимому, сочетание оценок города – района на окраинах можно интерпретировать так: рост миграционного потока подтверждает привлекательность города, но в районе становится небезопасно и плохо с жильем.

В молодом центре ни одна переменная не дискриминирует положительный или отрицательный образ города. Но здесь мы видим самую сильную (снова линейную, поскольку все три коэффициента корреляции одинаковы) связь оценок города и района: $r = 0,611$ со значимостью 0,000 на уровне 0,01 для 474 наблюдений. Следовательно, более 60% дисперсии положительной или отрицательной оценок города и микрорайона в современных новостройках и многоэтажных кварталах советской эпохи будет определяться их отождествлением, недискретным восприятием. Оценка же условий жизни в микрорайонах зависит от доступности и качества образовательных учреждений (в первую очередь дошкольного и дополнительного образования). Коэффициенты линейной дискриминантной функции Фишера по переменной «*важность проблем образования*» — 2,598 для варианта ответа «*скорее нет*» и 0,828 для варианта «*скорее да*», то есть данная переменная тоже значима для формирования отрицательных оценок территории. Иными словами, в целом у жителей складывается положительный образ жизненной среды, в которой несколько «подкачала» только обеспеченность детскими учреждениями: прочие риски, проблемы, неудобства выделяются респондентами спорадически и не обладают значимой различительной силой. Образовательная сфера позволяет правильно классифицировать 85% выбранных и 68,3% невыбранных оценок локальной среды жителями окраин. Что касается условий жизни в городе, то ни одна из включенных в модель переменных, упомянутых в ответах на открытые вопросы, не дала возможности достоверно определить источник дифференциации позитивных и негативных оценок. Молодые районы наиболее «беспроблемны» и с точки зрения транспортной доступности, и с точки зрения благоустроенности территорий и жилищ, материального благополучия жильцов, а также по сбалансированности демографической структуры. Последнее, вероятно, и определяет важность объектов, входящих в инфраструктуру обеспечения деятельности образовательно-воспитательных институтов.

В историческом центре оценки города и района согласованы наполовину: $r, r_0, \tau_{a-b} = 0,502$ со значимостью 0,000 на уровне 0,01 для 415 наблюдений. Обе оценки основаны на субъективно воспринимаемом высоком уровне рискогенности жизненной среды. Единственная переменная «*интенсивность чувства защищенности*» достаточна для правильной классификации 75,8% выбранных и 88,5% невыбранных исходных сгруппированных оценок благоприятности условий жизни в городе. А применительно к конкретному микрорайону — месту проживания респондента — с помощью этой же переменной верно классифицируется 80,1% выбранных и 74,4% невыбранных исходных сгруппированных наблюдений. Практически идентичны коэффициенты классифицирующей функции (Фишера): в оценках условий жизни в городе — 2,219 у варианта «*скорее нет*», 2,693 у «*скорее да*»; в оценках

условий жизни в микрорайоне — 2,163 у варианта «скорее нет», 2.666 у «скорее да» (те, кто чувствуют себя более защищенными, создают более дружелюбный образ среды). Образ и города, и района тем лучше, чем сильнее у респондента чувство личной безопасности.

Тревожность жителей исторического центра максимальна среди горожан: они составляют наибольшую долю тех, кто считает, что проживание в их доме и городе сопряжено с рядом рисков (угроз). Проживание в районе оказалось наиболее рискогенными для жителей молодых центральных районов Калуги: и это единственная группа, в составе которой доля называющих такие риски больше либо равна доле тех, кто такие риски не разделяет.

Таким образом, восприятие территории тяготеет к положительным или отрицательным оценкам в зависимости от того, насколько безопасным, чистым и ухоженным, доступным, свидетельствующим об экономическом росте или упадке видится окружающее пространство. При этом оценки могут быть сильно искажены массовой тревогой горожан.

Жилищные проблемы составляют существенную часть негативно-го образа среды только на окраинах, хотя интегральная удовлетворенность жилищными условиями не слишком отличается у респондентов, живущих на окраинах и в микрорайонах молодого центра. И напротив, у жителей пригородной зоны и исторического ядра города эти оценки сильно отличаются и друг от друга, и от срединных значений, а стандартное отклонение свидетельствует о поляризации населения по качеству жилья (табл. 3).

Заметна линейная зависимость оценок жилья от близости к центру при нелинейности их связи с оценками района и города. В пригороде средние оценки Калуги крайне позитивные при крайне негативных средних оценках района. В историческом центре картина противоположная: это единственная зона города, где район оценивается очень высоко, а город в целом — очень низко. В «срединных» зонах, как уже отмечалось, условия жизни в микрорайонах проигрывают условиям жизни в Калуге, но оценки тех и других отличаются большой согласованностью. Это означает, что зависимость между оценками жилья и более широкой среды не может быть одинаковой там, где образ микрорайона строится за счет одних и тех же компонентов, что и образ города, и там, где они относительно автономны.

Таким образом, необходимо оценить, каков же собственный вклад жилищных условий в оценки качества городских территорий, если отвлечься от других характеристик этих территорий, которые компенсируют или, напротив, усугубляют негативный образ окружающего пространства. Для этого мы сформировали второй, производный от первого, массив данных, состоящий из средних значений переменных для отдельных территориальных общин, административные границы

которых примерно совпадают с естественными границами микрорайонов. Поскольку количество единиц наблюдения (уже не отдельные респонденты, а локальные сообщества) в новом массиве стало малым (n_2 (ТОС) = 41), «размытые» в большой выборке связи усилились, теряя в статистической значимости. Таким образом, те связи и статистики, которые сохраняют значимость даже в условиях небольшой выборки, действительно важны для понимания неравномерности в распределении качества жизненной среды горожан.

Таблица 3

**Сравнение субъективного качества
компонентов жизненной среды в среднем по зонам города**

Зона города		Оценка благоприятности условий жизни в Калуге	Оценка благоприятности условий жизни в городском районе	Оценка жилищных условий
пригород	среднее	0,8967	0,50413	3,6680
	N	242	242	247
	стд. отклон.	0,30499	0,501019	0,77768
окраина	среднее	0,8977	0,76093	4,1142
	N	391	389	394
	стд. отклон.	0,30343	0,427068	0,81002
центральные районы	среднее	0,9177	0,85232	4,1776
	N	474	474	473
	стд. отклон.	0,27508	0,355157	0,69362
исторический центр	среднее	0,7866	0,80000	4,3253
	N	417	415	415
	стд. отклон.	0,41022	0,400483	0,78802
Итого	среднее	0,8734	0,75921	4,1190
	N	1524	1520	1529
	стд. отклон.	0,33268	0,427703	0,79278

Для определения собственно роли жилья в оценках территории мы применили тест подгонки кривых с помощью сравнения R-квадратов линейной и квадратичной моделей регрессии зависимых переменных «оценка благоприятности условий жизни в Калуге» и «оценка благоприятности условий жизни в городском микрорайоне» для независимой переменной «оценка благоприятности жилищных условий» в выборке в целом и в выборке, расщепленной по переменной «Зона города».

Направленность связи определялась с помощью коэффициента неопределенности с использованием λ (лямбды) и τ (тау) Гудмена.

Обнаружив значимую корреляцию (0,343 со значимостью 0,028) между переменными «интенсивность чувства защищенности» и «оценка благоприятности условий жизни в микрорайоне», при проведении теста мы взвесили наблюдения по первой переменной, чтобы избежать возможных искажений под ее влиянием

Жилище — ядро образа территории? Тест подгонки кривых

Проведение теста подгонки кривых с учетом взвешивания подтвердило, что: 1) оценка жилья не является значимым для восприятия города предиктором; 2) для восприятия микрорайона роль жилья лучше описывается квадратичной моделью (см. табл. 4).

Таблица 4

Оценка жилищных условий как предиктор оценок микрорайона и города: сравнение линейной и квадратичной моделей

Зависимая переменная	Сводка для линейной модели				Нестандартизов. коэф.		Стандартизов. коэф.	t	Знч.
	R	R ²	Скор-ректир. R ²	Стд. ошибка оценки	B	Стд. ошибка	Бета		
благоприятность Калуги	0,018	0,000	-0,013	0,535	0,014	0,088	0,018	0,162	0,872
благоприятность района	0,397	0,157	0,146	1,089	0,679	0,179	0,397	3,783	0,000

Зависимая переменная	Сводка для квадратичной модели				Нестандартизов. коэф.		Стандартизов. коэф.	t	Знч.
	R	R ²	Скор-ректир. R ²	Стд. ошибка оценки	B	Стд. ошибка	Бета		
благоприятность Калуги	0,054	0,003	-0,023	0,538	-0,263	0,638	-0,341	-0,413	0,681
благоприятность района	0,483	0,233	0,213	1,045	0,064	0,146	0,363	0,439	0,662
					-2,679	1,239	-1,566	-2,163	0,034
					0,778	0,284	1,982	2,738	0,008

Лямбда Гудмена в паре «город — жилье» равна нулю: ни одна переменная не помогает предсказать значения другой, то есть они совершенно независимы. Таким образом, город оценивается сам по себе, независимо от того, удовлетворительна ли жилищная ситуация.

Линейная модель для пары «микрорайон — жилье» показывает, что почти 40% дисперсии значений оценок изменяются совместно. Но направленные меры (лямбда, тау и коэффициент неопределенности) свидетельствуют о том, что, с одной стороны, ни одну из переменных нельзя однозначно рассматривать в качестве зависимой (появляется лямбда, симметричная со значением 0,179 и значимостью 0,010), с другой стороны, несколько чаще зависимой переменной являются

жилищные условия (и лямбда, и тау больше приближены к единице, чем соответствующие статистики переменной оценок микрорайона).

Объясняет это квадратичная регрессия: жилищные условия критичны для восприятия района тогда, когда они либо очень хороши, либо очень плохи. В этих условиях наблюдается резкий рост оценок микрорайона. В обоих случаях решающее значение приобретает лишь местоположение жилья в районе — выгодное или невыгодное: если жилье комфортно, то дальнейшей оценки заслуживает только его местоположения; если жилищные условия некомфортные, то также оценивается местоположение жилья — как его единственное преимущество. В то же время «промежуточные» варианты дают плавное совместное изменение обеих переменных в одном направлении (чем лучше жилищные условия, тем лучше и образ микрорайона, и наоборот), то есть «вписываются» в модель линейной регрессии.

При анализе массива, расщепленного по зонам города, более точно определяются и взаимоотношения между ближним и дальним пространством существования горожан.

В пригородной зоне связь между оценками города и жилища по-прежнему отсутствует и в линейной, и в квадратичной модели (R^2 в первой — 0,042, во второй — 0,083; F-критерий в первой — 1,128 со значимостью 0,298, во второй — 1,122 со значимостью 0,342; бета-коэффициенты лишены статистической значимости). Точно так же нет в пригороде связи и между оценками своего района и жилища (линейный $R^2 = 0,105$, квадратичный = 0,177; F-критерий в линейной модели — 3,032 со значимостью 0,094, в квадратичной — 2,655 со значимостью 0,090; бета-коэффициенты лишены статистической значимости).

На окраинах линейная модель оценок города в зависимости от жилья незначима, но квадратичная показывает такую же поляризацию оценок города на крайних полюсах жилищной обеспеченности по сравнению со «срединными» слоями, которая наблюдалась в массиве в целом (коэффициенты бета — 5,842 и -5,652 со значимостью соответственно 0,050 и 0,057). Надежность квадратичной модели ($R^2 = 0,358$) растет весьма существенно по сравнению с линейной ($R^2 = 0,047$). Но направленность изменений обратная: лучше всего город воспринимают обитатели «стандартного» жилья, а очень плохие и очень хорошие жилищные условия предполагают самые негативные оценки городского пространства. Что же касается оценок микрорайона, на окраинах квадратичная регрессия ($R^2 = 0,783$; F-критерий = 17,513 со значимостью 0,001, квадратичные бета-коэффициенты статистически незначимы) почти идентична линейной ($R^2 = 0,779$; F-критерий = 37,756 со значимостью 0,000, бета-коэффициент — 0,883 со значимостью 0,000). Здесь направленные меры (лямбда, тау, коэффициент неопределенности) также указывают на то, что именно оценка жилищных условий оказывается управляемой, а не управляющей переменной по отношению к оценкам и микрорайона, и города.

Молодые центральные районы демонстрируют иную тенденцию. Зависимыми от жилищных условий переменными выступают оценки и города, и района. Совершенная автономия оценок жилья и города в линейной модели ($R^2 = 0,033$; F-критерий = 0,699 со значимостью 0,413, бета-коэффициент — 0,183 со значимостью 0,413) в квадратичной модели сменяется убедительной связью ($R^2 = 0,585$; F-критерий = 13,573 со значимостью 0,000, бета-коэффициенты — -6,664 со значимостью 0,000 и 6,887 со значимостью 0,000). Здесь мы видим самые низкие оценки города в центре шкалы оценок жилищных условий при очень высоких оценках на максимальном и минимальном полюсах жилищной обеспеченности. Для оценок района параболическая кривая несколько теряет свою глубину (выраженность поляризации) и симметричность (равенство силы связи в противоположных обстоятельствах), квадратичная модель в целом ненадежна ($R^2 = 0,242$; F-критерий = 3,075 со значимостью 0,069), но в своих крайних проявлениях оценки статистически значимы (бета-коэффициенты — -4,534 со значимостью 0,023 и 4,562 со значимостью 0,023).

В историческом центре оценки жилья не связаны с оценками района и города. Для района R^2 в линейной модели — 0,010, в квадратичной — 0,031; F-критерий в первой — 0,141 со значимостью 0,713, во второй — 0,207 со значимостью 0,816; бета-коэффициенты лишены статистической значимости. Для города R^2 в линейной модели — 0,058, в квадратичной — 0,272; F-критерий в первой — 0,141 со значимостью 0,713, во второй — 2,426 со значимостью 0,127; бета-коэффициенты лишены статистической значимости.

Таким образом, анализ показал, что использованная переменная (интегральная оценка жилья) позволяет довольно точно предсказать оценки города и района жителями «срединных» городских пространств, но не объясняет оценок, которые выносят жители исторического центра и пригорода.

Выводы

Наиболее важным из трех компонентов жизненной среды калужанина оказывается микрорайон. Образ микрорайона может быть более или менее приближен к образу городского пространства в целом, но они всегда связаны, независимо от местоположения в этом пространстве личности или локального сообщества.

Если рассмотреть связность оценок трех переменных, предполагая, что вместе они способны выступать в качестве единой шкалы оценки качества окружающей среды, состоящей из трех «вложенных» друг в друга компонентов, мы обнаруживаем, что их перекрывающаяся часть занимает не больше половины. Альфа Кронбаха для трех стандартизированных пунктов равна 0,530, а с учетом взвешивания по переменной «интенсивность чувства защищенности» — 0,490.

Если удалить из общей шкалы пункт «Жилище», микрорайон и город при описании среды, внешней по отношению к социальному субъекту, функционируют как набор препятствий, барьеров, ограничений и шансов, благоприятных возможностей, доступных благ. Вместе две переменные дают уровень связности (α Кронбаха) 0,414 без взвешивания и 0,380 со взвешиванием; среднее шкалы достигнет почти максимума (8,483 из 10,921), хотя дисперсия будет очень значительной — 2,062 (из 3,193 для первоначальной шкалы из трех пунктов).

Если удалить пункт «Город», микрорайон становится продолжением жилищных условий, дополнением потребительских характеристик жилья (например, удаленность от города, близость к метро, наличие инфраструктуры как конкурентные преимущества того или иного объекта недвижимости в объявлениях о продаже-обмене). Среднее для шкалы тогда падает до 6,313, дисперсия растет до 2,506: жилищные условия, конечно, очень разнообразны, и район, как мы видели, способен несколько «сглаживать» неудовлетворенность ими, но в жилье низкого и среднего качества живет подавляющее большинство горожан, и корреляция этого пункта с суммарным баллом по значимости вторая после района. При удалении пункта «Город» взвешенная и невзвешенная α Кронбаха одинаковы: 0,514 и 0,512 соответственно, то есть совокупная оценка ближней среды по шкале из пунктов «Жилье+Район» еще и наиболее объективна.

Если же удалить пункт «Район», связность утрачивается. Альфа становится равной 0,035 (взвешенная) и 0,121 (невзвешенная), то есть образ города наиболее подвержен субъективным искажениям. Среднее шкалы становится 7,065 с минимальным значением дисперсии (0,770). Еще раз подтверждается независимость восприятия горожанами областного центра как общего для них, но наименее зависимо от их желаний и действий пространства обитания, а также жилища как «результатирующей» личной социально-экономической, семейной и т. д. ситуации.

Таким образом, район обеспечивает баланс «общего» и «своего», открывая наиболее надежную перспективу социального сравнения. Именно оценки микрорайона дают максимум вариативности в восприятии комбинаций трех компонентов среды. Именно в микрорайоне преломляются объективные условия существования — город как целое, а также субъективное благополучие, выражением и мерой которого являются индивидуальные жилищные условия.

Жилищные условия несущественны для вынесения оценок городу в условиях стандартной, массово распространенной типовой застройки в многоквартирном жилищном фонде (молодой центр или окраина). Вариативность отдельных характеристик однотипного жилья меняется в одном направлении с положительными или отрицательными оценками местоположения жилья до тех пор, пока жилье не окажется

принадлежащим качественно иному типу (полюсы жилья с очень высокой и очень низкой комфортностью). В этом случае в *молодом центре* жилье повышенной и пониженной комфортности связано с ростом удовлетворенности условиями жизни и в городе, и в районе. Если жилье в центре очень хорошее, то окружающая среда — это расширение «своего» пространства, часть потребительских характеристик жилища, если плохое, — то средство получения доступа к благам, которые предоставляет город (работа, досуг и проч.). На окраине картина противоположна: здесь полярные жилищные условия обоих знаков заставляют острее переживать приметы неблагополучия в окружающей среде, избыточно снижая ее субъективное качество. Таким образом, можно сделать вывод, что формирование позитивного или негативного образа внешней среды в Калуге не зависит от жилищно-ресурсной обеспеченности горожан. Значит, в перспективе дальнейших исследований — поиск других факторов, определяющих формирование позитивного образа окружающей среды и компенсирующих неудовлетворенность жилищными условиями в рассмотренном регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бекетов Н.В.* Когнитивная концепция территориального социально-экономического поведения в региональном социуме // CREDO NEW теоретический журнал [электронный ресурс]. Дата обращения 23.11.2015. URL: <<http://credonew.ru/content/view/843/44/>>.
2. *Вакан Л.* Городская маргинальность грядущего тысячелетия. (Пер. с англ. А. Лазарева) // Остров Горн. 2015. № 9 [электронный ресурс]. Дата обращения 25.01.2017. URL: <http://contrlst.ucoz.ru/index/gorodskaja_marginalnost_grjadushhego_tysjacheletija/0-1057>.
3. *Вирт Л.* Урбанизм как образ жизни // Социальные и гуманитарные науки. РЖ ИНИОН РАН. Сер. 11. Социология. 1997. № 3. С. 164–196.
4. *Джагарян А.А.* Право на город: постановка проблемы // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 2. С. 53–57.
5. Калуга на 5 месте в России по дороговизне аренды квартир // iKALUGA.com [электронный ресурс]. Дата обращения 12.11.2016. URL: <<http://ikaluga.com/news/2015/01/26/kaluga-na-5-meste-v-rossii-po-dorogovizne-arendy>>.
6. Калуга опустилась на 24 место в рейтинге лучших городов России // iKALUGA.com [электронный ресурс]. Дата обращения 12.11.2016. URL: <<http://ikaluga.com/news/2014/04/08/kaluga-opustilas-na-24-mesto-v-reytinge-luchshih>>.
7. Калужская область — в аутсайдерах по расселению аварийного жилья // iKALUGA.com [электронный ресурс]. Дата обращения: 12.11.2016. URL: <<http://ikaluga.com/news/2016/04/21/kaluzhskaya-oblast-v-outsajderah-po-rasseleniyu>>.
8. *Климов И.* Факторы социальной напряженности в Сочи: трансформации социокультурного ландшафта // Коллективное действие [электронный ресурс]. Дата обращения 28.11.2016. URL: <<http://www.ikd.ru/node/11851>>.

9. Колесова Е. О позиции города Калуга в «Интегральном рейтинге ста крупнейших городов РФ» по данным 2010 года // Институт территориального планирования «Урбаника» [электронный ресурс]. Дата обращения 04.03.2016. URL: <<http://urbanica.spb.ru/?p=2696>>.
10. Котельникова А.С. Анализ дифференциации регионов РФ по степени доступности жилья // Региональное развитие. 2014. № 2. С. 120–122.
11. Морозова Е.В., Улько Е.В., Зинев С.Н. Локальная идентичность и готовность субъектов к социально-преобразовательной активности // Национальная идентичность России и демографический кризис: Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 20–21 октября 2006 г.). М.: Центр проблемного анализа и государственно-управленческого консультирования, 2006. С. 737–744.
12. Никитин Ю.А. Специфика проявления наркомании среди различных социальных групп сахалинской молодежи в современных условиях // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 108. С. 50–58.
13. Показатели Калуги испортила высокая смертность (по материалам пресс-службы Горуправы Калуги от 07.07.2014) // kaluga24.tv [электронный ресурс]. Дата обращения 31.10.2015. URL: <<http://kaluga24.tv/pokazатели-kalugi-isportila-vysokaya-smertnost/>>.
14. Рейтинг регионов по доступности покупки семьями жилья по ипотеке — 2015 // РИА Рейтинг [электронный ресурс]. Дата обращения 13.11.2016. URL: <http://riarating.ru/regions_rankings/20151216/630003084.html>.
15. Рейтинг регионов РФ по качеству жизни — 2013 // РИА Рейтинг [электронный ресурс]. Дата обращения: 04.03.2015. URL: <<http://riarating.ru/infografika/20131217/610601622.html>>.
16. Рейтинг регионов РФ по качеству жизни — 2014 // РИА Рейтинг [электронный ресурс]. Дата обращения: 12.11.2016. URL: <http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2014.pdf>.
17. Рейтинг регионов РФ по качеству жизни — 2015 // РИА Рейтинг [электронный ресурс]. Дата обращения: 12.11.2016. URL: <http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2015.pdf>.
18. Реформа ЖКХ [данные по жилищному фонду Калужской области] // Реформа ЖКХ [электронный ресурс]. Дата обращения: 12.11.2016. URL: <<https://www.reformagkh.ru/relocation/alarm/sf?tid=2258331&sort=alphabet&item=home>>.
19. Серикжанова С.С. Эффекты соседства бедных и богатых в экономически смешанных районах (на примере города Алматы). Дис. ... д. филос. н. Алматы: Казахский национальный университет имени аль-Фараби, 2014. — 132 с.
20. Спиридонов И.А. Теоретико-методологические особенности изучения социального пространства города. Автореф. дис. ... к. соц. н. Саратов: Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, 2011 [электронный ресурс]. Дата обращения 29.11.2016. URL: <<http://cheloveknauka.com/teoretiko-metodologicheskie-osobennosti-izucheniya-sotsialnogo-prostranstva-goroda>>.

21. *Тимаков И.В.* Место жилищной проблемы в миграционных установках населения северного приграничного региона // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2014. Т. 4. № 41. С. 64–68.
22. *Чурсина Ю.* «Уехать от» vs «Уехать для». Качество городской среды как фактор миграционных установок населения // Социология власти. 2014. № 2. С. 142–164.
23. *Rex J., Singh G.* Multiculturalism and political integration in modern nation-states — thematic introduction // International Journal on Multicultural Societies. 2003. Vol. 5. No. 1. P. 3–19.
24. *Sanders M.V.* Post-Repair Diminution in Value from Geotechnical Problems // The Appraisal Journal. January 1996. P. 59–66.
25. *Soja E.* Third space. Journeys to Los Angeles and other real-and-imagined Places. Cambridge, MA: Blackwell Publishers Inc., 1996. — 329 p.

Дата поступления: 24.11.2015.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL
2017. VOL. 23. NO. 1. P. 62–87. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.1.5002

A.Yu. KAZAKOVA

Kaluzhskiy State University, Kaluga, Russian Federation.

Anna Yu. Kazakova — Candidate of sociological sciences, Teacher of the Chair of Philosophy and Sociology, Kaluzhskiy State University.

Address: 83, Lenina str., 248000, Kaluga, Russian Federation.

Phone: +7 (4842) 57-00-21. **Email:** kaffilosof@yandex.ru

SUBJECTIVE HOUSING QUALITY AND CITIZENS' TERRITORIAL IDENTITY
(BASED ON A SURVEY OF RESIDENTS OF THE CITY OF KALUGA)

Abstract. The author of this article examines the possibility of developing a favorable image for the urban environment given low-quality housing conditions, based on materials from the author's own survey of residents of urban and rural areas of the "Kaluga City" municipality. Having made a conclusion that it is possible, we try to determine what residents consider principle differences between "favorable" and "unfavorable" urban environments, and which factors form the definitions for near and far space. Our data showed that environmental images are differentiated by the "centre-periphery" axis. In suburbs such an image is formed based on neighborhood quality. On the outskirts it is marked by migration, which limits indigenous people's access to housing resources and poses a threat to the rule of law. In the neighborhoods of the new center the main sign is how educational institutions operate. In the historical center it is multifaceted safety. The most comprehensive variable to determine how comfortable an urban environment is perceived to be by citizens is an assessment of living conditions in the neighborhood. Evaluations of the city and housing are independent of each other, with few exceptions. Suburban areas and the historic center, due to their specificity, do not collect habitation and the city into a single image. Median zones of standard housing development within the "inner city" (city outskirts, and new central districts), in contrast, show a strong relation between the evaluations of housing and the city, although the focus of this link

seems to be differentiated. However, the evaluation of the neighborhood is associated with each of the two named variables, which provides citizens with the most reliable prospect of social comparisons when determining measures of personal well-being.

Keywords: territorial identity; the quality of housing conditions; evaluation of the urban environment; spatial differentiation.

For citation: Kazakova A.Yu. Subjective housing quality and citizens' territorial identity (based on a survey of residents of the city of Kaluga). *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2017. Vol. 23. No. 1. P. 62–87. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.1.5002

REFERENCES

1. Beketov N.V. The cognitive concept of territorial social-economic behavior in the regional society. *CREDO NEW theoretical journal*. Accessed 23.11.2015. URL: <<http://credonew.ru/content/view/843/44/>>. (In Russ.)
2. Wacquant L. Urban marginality in the coming Millennium. *Ostrov Gorn*. 2015. No. 9. Accessed 25.01.2017. URL: <http://contrlist.ucoz.ru/index/gorodskaja_marginalnost_grjadushhego_tysjacheletija/0-1057>. (In Russ.)
3. Wirth L. Urbanism as a Way of Life. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. RZh INION RAN. Ser. 11. Sotsiologiya*. [Social Sciences and Humanities. Abstracts journal of the Institute of RAS. Series 11. Sociology.] 1997. No. 3. P. 164–196. (In Russ.)
4. Dzhagaryan A.A. The Right to the City: statement of the problem. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 2012. No. 2. P. 53–57. (In Russ.)
5. Kaluga on the 5th place in Russia's most expensive rental apartment. *iKALUGA.com*. Accessed 12.11.2016. URL: <<http://ikaluga.com/news/2015/01/26/kaluga-na-5-meste-v-rossii-po-dorogovizne-arendy>>. (In Russ.)
6. Kaluga fell to 24th place in the ranking of the best cities of Russia. *iKALUGA.com*. Accessed 12.11.2016. URL: <<http://ikaluga.com/news/2014/04/08/kaluga-opustilas-na-24-mesto-v-reytinge-luchshih>>. (In Russ.)
7. Kaluga region is an outsider for the resettlement of emergency housing. *iKALUGA.com*. Accessed 12.11.2016. URL: <<http://ikaluga.com/news/2016/04/21/kaluzhskaya-oblast-v-avtstryah-po-rasseleniyu>>. (In Russ.)
8. Klimov I. Faktory sotsial'noi napryazhennosti v Sochi: transformatsii sotsiokul'turnogo landshafta. *Kollektivnoe deistvie*. Accessed 28.11.2016. URL: <<http://www.ikd.ru/node/11851>>. (In Russ.)
9. Kolesova E. A brief analytical note on the position of Kaluga City in the “Integrated rating of hundred largest cities of the Russian Federation” in 2010. *Institut territorial'nogo planirovaniya “Urbanika”*. Accessed 04.03.2016. URL: <<http://urbanica.spb.ru/?p=2696>>. (In Russ.)
10. Kotelnikova A.S. The Analysis of differentiation of Russian regions according to the degree of availability of housing. *Regional'noe razvitiie*. 2014. No. 2. P. 120–122. (In Russ.)
11. Morozova E.V., Ul'ko E.V., Zinev S.N. *Local identity and willingness of the subjects to social and transformative activity. Natsional'naya identichnost' Rossii i demograficheskii krizis: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (Moskva, 20–21 oktyabrya 2006 g.)*. [National identity of Russia and demographical crisis: Proceedings of all-Russian scientific conference (Moscow, 20–21 October 2006).] Moscow: Tsentr problemnogo analiza i gosudarstvenno-upravlenskogo konsul'tirovaniya publ., 2006. P. 737–744. (In Russ.)
12. Nikitin Yu.A. The peculiarities of display of drug use among different social groups of the Sakhalin youth in modern conditions. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. 2009. No. 108. P. 50–58. (In Russ.)

13. Indicators of Kaluga are spoiled by high mortality (according to the Press service of Kaluga City Administration, from 07.07.2014). *Kaluga24.tv*. Accessed 31.10.2015. URL: <<http://kaluga24.tv/pokazateli-kalugi-isportila-vysokaya-smertnost/>>. (In Russ.)
14. Rating of regions by accessibility for family of home purchase mortgages in 2015. *RIA Rating*. Accessed 13.11.2016. URL: <http://riarating.ru/regions_rankings/20151216/630003084.html>. (In Russ.)
15. The rating of Russian regions for quality of life in 2013. *RIA Rating*. Accessed 04.03.2015. URL: <<http://riarating.ru/infografika/20131217/610601622.html>>. (In Russ.)
16. The rating of Russian regions for quality of life in 2014. *RIA Rating*. Accessed 12.11.2016. URL: <http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2014.pdf>. (In Russ.)
17. The rating of Russian regions for quality of life in 2015. *RIA Rating*. Accessed 12.11.2016. URL: <http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2015.pdf>. (In Russ.)
18. [Data on the housing Fund of the Kaluga region]. *Housing reform*. Accessed 12.11.2016. URL: <<https://www.reformagkh.ru/relocation/alarm/sf?tid=2258331&sort=alphabet&item=home>>. (In Russ.)
19. Serikzhanova S.S. *Effects of the poor and the rich neighborhood in economically mixed area (on the example of Almaty)*. Dis. ... doctoral degree in Philosophy. Almaty: Kazakh national University named after al-Farabi publ., 2014. 132 p. (In Russ.)
20. Spiridonov I.A. *Theoretical and methodological peculiarities of studying the social space of the city*. Abstract of Dis. cand. Soc. Sciences. Saratov: Saratov state University named after N.G. Chernyshevsky publ. Accessed 29.11.2016. URL: <<http://cheloveknauka.com/teoretiko-metodologicheskie-osobennosti-izucheniya-sotsialnogo-prostranstva-goroda>>. (In Russ.)
21. Timakov I.V. The housing problem place in migration attitudes in Northern border region. *The North and the market: Formation of economic order*. 2014. Vol. 4. No. 41. P. 64–68. (In Russ.)
22. Chursina Yu. “To Go Away from” vs “to Go for”. The quality of the urban environment as a factor in the migration of plants populations. *Sotsiologiya vlasti*. 2014. No. 2. P. 142–164. (In Russ.)
23. Rex J., Singh G. Multiculturalism and political integration in modern nation-states — thematic introduction. *International Journal on Multicultural Societies*. 2003. Vol. 5. No. 1. P. 3–19.
24. Sanders M.V. Post-Repair Diminution in Value from Geotechnical Problems. *The Appraisal Journal*. January 1996. P. 59–66.
25. Soja E. *Third space. Journeys to Los Angeles and other real-and-imagined Places*. Cambridge, MA: Blackwell Publishers Inc., 1996. 329 p.

Received: 24.11.2015.